

РЕЦЕНЗИИ

G. Hazai. Das Osmanisch-Türkische im XVII. Jahrhundert. Untersuchungen an den Transkriptionstexten von Jakab Nagy de Harsány.—Budapest, Akadémiai Kiado, 1973. 498 стр. («Bibliotheca Orientalis Hungarica», XVIII).

Рецензируемая книга написана венгерским тюркологом Г. Хазаи, учеником академиков Ю. Немета и Л. Лигети.

Исследование, представленное в книге, основывается на турецко-латинском разговорнике: «Colloquia Familiaria Turcico-Latina seu Status Turcicus Loquens. In quo omnes ferè Turcici Imperii ordines, ministrorum cujuscunque conditionis, extra vel intra Aulam Regiam, inque Gubernaturis dignitas, qualitas, officia; regimen, gentis robur terrestre et maritimum: item natura, mores ritus et consuetudines variae; religio, sectae, et religiosi etc., etc. per Colloquia, velut in Speculo quodam, ad vivum repraesentantur, ac notis necessarijs illustrantur. Per Jacobum Nagy de Harsány Nob. Ung. Serenissimi ac Potentissimi Electoris Brandenburgici Consiliarium Subnexum est Testamentum seu Foedus Mahomedis cum Christianis initum. Coloniae Branderburgicae, Typis Georgij Schultzij, Elect. Typogr. Anno M.DC.LXXII. 8 г. 510 S»¹.

Автор книги «Обыденные турецко-латинские разговоры»², венгерский богослов и ориенталист Якаб Надь де Харшани, ставил перед собой достаточно широкие цели и неспроста дал своей книге еще и название «Разговаривающая Турция»; как он указал в пространном заглавии, «в разговорах, как бы в некоем зеркале, воспроизводятся как живые и сопровождаются необходимыми пояснениями почти все сословия Турецкой державы, достоинство, качество, обязанности и компетенция служителей всяческого состояния вне Двора и внутри его, а также в вилайетах; сухопутные и морские силы страны; а так же природа, нравы,

обычаи и различные традиции; религия, секты, религиозные ордена и прочее».

Г. Хазаи тщательно собрал немногочисленные дошедшие до нашего времени биографические данные об авторе «Обыденных разговоров». По этим сведениям Якаб Надь де Харшани родился в 1615 г. в дворянской семье и получил образование в гимназии Надьварада, где в теологических, а также практических целях преподавались восточные языки, в том числе и турецкий. По окончании гимназии он занимался в одном из немецком университетов, а позднее — в бельгийском. Затем он стал учителем в гимназии, в которой в свое время сам учился. С 1651 г. Я. Н. де Харшани жил в Берлине, где вел коммерческую и дипломатическую корреспонденцию Бранденбургского графа Фридриха Вильгельма. В Турции — в ее столице и других местах — он провел семь лет в качестве поверенного в делах Бранденбургского двора; дата его смерти неизвестна; в 1677 г. он был еще жив.

Труд Я. Н. де Харшани, опубликованный в Ней-Кёльне (Бранденбург) в 1672 г., по словам автора, преследовал цель дать необходимые представления о турецком разговорном языке; причем автор считал нужным и полезным знакомить читателя с турецким разговорным языком на материале, сообщающем читателю сведения о различных сторонах жизни тогдашней Турции; таким образом, книга Я. Н. де Харшани является своеобразным путеводителем по Турции XVII в., а потому представляет известный интерес и для историков Турции.

Книга Я. Н. де Харшани состоит из восьми глав: I — Приветствия и ответы на них, о путешествии и путешествениках и т. п.; II — О вещах, необходимых в дороге, о проводниках и т. п.; III — О войне и обо всем необходимом для нее, способы призыва новобранцев, пополнение турецкого войска, вспомогательные войска; IV — О разных вещах, о гостиницах, о гостях, о разной пище и напитках и пр.; V — О посоль-

¹ Об этом труде с похвалой отозвался Ф. Бабингер: Fr. Babinger, Die türkischen Studien in Europa bis zum Auftreten Josef von Hammer-Purgstalls, «Die Welt des Islams», 7, 3—4, Berlin, 1919, стр. 116—117.

² «Colloquia Familiaria» «Обыденные разговоры» — заглавие известной книги Эразма Роттердамского.

ской должности; вещи, необходимые послу; свита чрезвычайного министра, секретари, эконоы; об особенностях посольской службы в Константинополе; каким образом посол прибывает во дворец везири, императора и отбывает; переводчики и послы; VI — О купцах и их делах; о переводчиках, послах и разносчиках; VII — О служителях короля (Regiis) во вне и во дворце короля, в особенности об «аджем огланах», янычарах, сипахах, везирих и т. п.; VIII — О природных свойствах турок; о религии, ее первосвященниках, муфтиях, и др.

Труд Я. Н. де Харшани с предельной ясностью свидетельствует о его глубоких и разносторонних познаниях в турецком языке и жизни современной ему Турции и потому является весьма ценным памятником турецкого языка XVII в.

У автора «Обыденных разговоров» — в части сообщения сведений о турецком языке — еще в XV—XVI вв. были предшественники. В числе лиц, которые принесли на Запад сведения о турецком языке (правда, весьма поверхностные), были Ганс Шильтбергер, Арнольд ф. Харфф, Семиградец («Мюльбахер», Бартоломей Георгиевич и др.³

XVII столетие в истории изучения турецкого языка на Западе представлено рядом солидных описаний фонетико-грамматического строя и лексики турецкого языка, принадлежащих И. Мегизеру (1612), А. Дю Риё (1630), Дж. Молино (1641), М. Маджио (1643), У. Симэну (1670), Фр. Менинскому (1680) и др.⁴ Я. Н. де Харшани, получившему солидную — насколько это было возможно в то время — востоковедную подготовку, были, по-видимому, известны основные из указанных выше работ по турецкому языку, о чем с достаточной очевидностью свидетельствует его труд.

Рецензируемый труд Г. Хазаи состоит из следующих разделов: Предисловие (стр. 9), I. Введение (стр. 11—14); II. «Colloquia Familiaria Turco-Latina» Якаба Надь де Харшани; Автор и его труд (стр. 15—19); III. Технические основы исследования: Общие положения. Указатель литературы. Сокращения (стр. 20—31); IV. Турецкий текст (латинскими буквами) и его латинский (автора) и немецкий (издателя) переводы (стр. 33—199); V. Указатели: 1. Указатель слов, встречающихся в корпусе текста (стр. 201—267); 2. Указатель прочих тюркских слов, встречающихся в комментариях к тексту, (стр. 268—278); 3. Индекс турецких слов в современной турецкой графике в со-

поставлении с оригинальным начертанием, принятым в исследуемом тексте (стр. 278—318); VI. Язык текста: 1. Общие замечания. Типографические особенности текста (стр. 319). 2. Фонетика. Обозначение звуков (стр. 319—324). Таблица букв и обозначаемых ими звуков (стр. 324—325). Влияние арабского алфавита на графику текста (стр. 325—326). Субституция звуков (стр. 326—327). Гласные (стр. 327—341). Согласные (стр. 341—360). 3. Фонология. Замечания к инвентарю фонем (стр. 361—364). 4. Морфонология (стр. 364—438). 5. Морфология (стр. 439—456). 6. Синтаксис (стр. 457—458). 7. Словарный запас (стр. 458—460). 8. Оценка значения текста для изучения диалектологии и истории турецкого языка (стр. 461—463). VII. Регистр аффиксальных морфем, встречающихся в тексте (стр. 465—498).

Изданный Г. Хазаи турецкий транскрипционный текст, по своему объему едва ли не самый пространный из ранее опубликованных, справедливо рассматривается издателем как ключевой памятник для истории турецкого языка (стр. 14).

Самостоятельную исследовательскую ценность представляет тщательно разработанный Г. Хазаи «Указатель слов, встречающихся в корпусе текста» (стр. 201—267). Каждое слово регистрируется (с указанием места в тексте) во всех употребляющихся в тексте формах и приводится в оригинальном начертании (т. е. так, как приведено автором в латинской транскрипции) и в транскрипции современной турецкой азбукой; каждое слово снабжено турецким эквивалентом и переводом на немецкий язык.

Указатель слов, встречающихся в корпусе труда Я. Н. де Харшани, дополняется «Указателем прочих турецких слов» (стр. 268—278), содержащихся в комментариях автора к турецкому тексту.

Третьим разделом «Указателя» является «Индекс» (стр. 278—318), в котором турецким словам в записи Я. Н. де Харшани приведены современные соответствия (турецкие слова в современном звучании и графике).

Гл. VI «Язык текста» (стр. 319—463) начинается с объяснения некоторых типографских особенностей труда Я. Н. де Харшани, для разгадки которых потребовалось не только терпение, но и глубокое знание исторической фонетики турецкого языка. В этой области турецкого языкознания Г. Хазаи давно зарекомендовал себя как серьезный знаток предмета; новым очевидным подтверждением этого служат разделы «Фонетика» (стр. 319—361) и «Фонология» (стр. 361—364).

Давно признано тюркологами, что транскрипционные тексты для изучения исторической фонетики тюркских языков представляют совершенно исключительный интерес и значение, так как по тюрк-

³ Подробнее см.: Fr. Babinger, указ. соч.

⁴ Подробнее см.: J. Deny, *L'osmanli moderne et le Turk de Turquie*, «Philologiae Turcaeae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 220—223.

ским текстам, писанным арабицей, невозможно достаточно полно и точно судить о деталях фонетики разных эпох.

В свете сказанного «Обыденные турецко-латинские разговоры», представляющие собою обширный турецкий текст, который написан латинскими буквами, используемыми применительно к венгерской графической практике, дают исключительного значения материал для изучения фонетики и грамматики турецкого разговорного языка середины XVII в.

Обстоятельное описание фонетики и фонологии изучаемого текста выполнено на основе результатов, достигнутых как самим Г. Хазаи, так и его предшественниками.

Фонологические наблюдения, сделанные в разделе «Фонология», развиваются и подкрепляются хорошо систематизированным материалом, излагаемым в разделе «Морфонология» (стр. 364—438). Впервые на материале турецкого языка так обстоятельно с применением новейших приемов разработана морфонологическая структура одного из интереснейших памятников турецкого языка.

Собственно морфология этого текста (стр. 439—456), по-видимому, по причине того, что общие вопросы морфологии были изложены в связи с фонологией в разделе «Морфонология», — рассматривается очень бегло и фрагментарно. Между тем, морфонология не может заменить исследования морфологии памятника, так как морфонология имеет своей основной целью исследование и описание связей фонологии и морфологии в плане изучения фонем с точки зрения их функционирования в составе морфем.

Обращаясь с этих позиций к рассмотрению раздела «Морфология» в рецензируемой книге, приходится с сожалением констатировать, что Г. Хазаи ограничился перечислением только некоторых морфологических категорий без выявления и описания морфологии памятника как системы. В этом разделе (после краткого вступления) рассматриваются лишь: мн. число, посессивные суффиксы⁵, склонение, послелоги, местоимения, союзы, вопросительные слова, образование глагольных форм, отглагольные имена, деепричастия, оборот *olmak var*⁶, личные окончания.

⁵ Замечу кстати, что широко используемому в западноевропейской тюркологии термину «суффикс» в отечественной практике соответствует термин «аффикс», утвердившийся с середины прошлого века.

⁶ Сочетание *-mak var/yok* следует рассматривать как аналитическую форму возможности/невозможности (подробнее см.: А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, § 1029).

Синтаксису исследуемого памятника отведены лишь две страницы (стр. 457—458). Лапидарность изложения этого важного раздела грамматики издатель объясняет следующим образом: «Наш памятник в силу его особого характера не годится для подробного синтаксического анализа. На этом основании исследование этого раздела (грамматики.— А. К.) изъято из нашей работы» (стр. 457).

Синтаксис исследуемого сочинения, безусловно, точно выражает разговорную речь тех стамбульцев, которые говорили на «орта тюркче», т. е. на языке средних слоев населения тогдашней столицы Османской империи. «Разговорник» Я. Н. де Харшани, как и всякое практическое пособие подобного рода, включает в себе вопросы и ответы, причем вопросы нередко, а ответы довольно часто имеют форму пространного изложения, позволяющего, как мне представляется, произвести синтаксические наблюдения над турецким разговорным языком стамбульцев XVII в.

Известный интерес для сравнительного изучения словарного состава разговорного турецкого языка XVII в. представляет лексика «Разговорника» (стр. 458—480), которая, по справедливому замечанию Г. Хазаи, «имеет сравнительно мало отклонений от современного общеразговорного языка» (стр. 458), который до сих пор изучен еще далеко не полно.

Опытный исследователь турецкой диалектологии, издавший ряд работ по исторической и современной турецкой диалектологии, Г. Хазаи, естественно, должным образом оценил значение лексико-грамматического материала «Разговорника» для диалектологии и истории турецкого языка (стр. 461—463).

Кроме того, Г. Хазаи обратил внимание на то, что издаваемый им «Разговорник» в части фонетико-грамматико-лексического материала продолжает довольно длинный ряд грамматик и словарей, составленных миссионерами и переводчиками (стр. 461) (некоторые из них упомянуты мною выше). Поэтому, добавим мы, все эти труды по грамматике и лексике турецкого языка позднего средневековья должны быть обследованы в целях получения полного, основанного на показаниях ряда источников, представления о разговорном турецком языке XV—XVIII вв.—его фонетики, грамматики, лексики. При сравнительном изучении подобных трудов следует иметь в виду, особенно в части изучения фонетики и синтаксиса, что эти материалы дошли до нас в передаче иностранцев, а не природных носителей турецкого языка.

«Обыденные турецко-латинские разговоры» Я. Н. де Харшани — произведение венгра, фонетика родного языка которого обладает в сравнении с турецким языком рядом специфических особенностей. При анализе содержащегося в

«Разговорнике» фактического материала следовало также учитывать, что для записи турецкого текста была использована венгерская азбука, в которой нет знаков для ряда звуков турецкого языка. Все эти трудности, возникавшие при изучении текста, были успешно преодолены Г. Хазаи, для которого венгерский язык, как и венгерская графическая система, также являются родными.

Проверка фонетических и грамматических данных, которые добыты путем изучения транскрипционных текстов, записанных иностранцами на основе латинской, греческой, армянской, славянских и других буквенных систем, может быть осуществлена лишь на основе сопоставления их с текстами, написанными самими турками в соответствующие периоды времени. Однако этот само собою разумеющийся принцип теряет свою очевидность, как только мы вспомним, что тексты, написанные турками, как правило, отражают не народно-разговорный язык, лежащий в основе большинства транскрипционных текстов, а письменный литературный, который в XVII в. достиг высокой степени совершенства; кроме того, турки пользовались арабской графикой, которая крайне затрудняет определение фонетического облика турецкого слова.

В силу сказанного транскрипционные тексты могут быть использованы, главным образом, для исторической фонетики турецкого народно-разговорного языка, в тех случаях, когда имеются соответствующие указания о месте записи, — и для исторической диалектологии турецкого языка.

Прекрасно изданный и тщательно изученный Г. Хазаи труд Я. Н. де Харшани «Обыденные турецко-латинские разговоры» является еще одним напоминанием о том, что пришло время тюркологам, в первую очередь — османистам, предпринять определенные шаги к изданию корпуса турецких транскрипционных текстов и созданию на его основе, по единой схеме, свода данных по фонетике, грамматике и лексике всех этих текстов с генеральной задачей выявить обнаруживающиеся в них схождения и расхождения, привлекая для сравнения собственно турецкие письменные памятники.

Задача грандиозная, но реально выполняемая при условии объединения усилий специалистов, занимающихся изучением истории и современного состояния турецкого языка.

А. Н. Кононов

«Тюркологический сборник. 1971». — М., «Наука»,
Главная редакция восточной литературы, 1972. 290 стр.

Рецензируемый сборник, посвященный памяти выдающегося тюрколога В. В. Радлова, состоит из двух частей. Первая часть содержит статьи, в которых раскрывается значение трудов В. В. Радлова в разработке различных областей тюркологии; во второй части представлены материалы, продолжающие и развивающие тюркологические темы, исследование которых было в центре внимания ученого; это, прежде всего, морфологический строй тюркского слова, текстологические и лингвистические исследования древнеуйгурских текстов. Сборник оснащен хронологическим перечнем трудов В. В. Радлова и литературы о нем (стр. 261—279, составила Н. А. Дулина) и заканчивается сообщением В. Г. Гузева, Н. А. Дулиной, Д. М. Насилова о тюркологической конференции памяти В. В. Радлова, состоявшейся в Ленинграде 11—14 июня 1968 г.

Авторы статей первой части сборника — А. Н. Кононов, М. С. Сильченко, С. И. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный, Э. Р. Тенишев, Л. Ю. Тугушева, А. М. Щербак, Д. М. Насилов, Г. Ф. Благова — единодушно выражая глубокое уважение и признательность великому

ученому, испытывая заслуженную гордость перед проделанной им работой, «которая, без преувеличения, под силу только целому коллективу опытных исследователей» (стр. 14), стремятся оценить изыскания В. В. Радлова в плане современного состояния отечественной тюркологии и, прежде всего, тюркского языкознания. Критически рассматривая теоретические воззрения ученого, отказываясь от того, что было в них «данью времени», авторы этих статей дают самую беспристрастную и адекватную оценку его трудов. Они доказывают, что В. В. Радлов принадлежит не только истории тюркологии: с ним связано ее современное состояние (неслучайно, в частности, что имя В. В. Радлова — в основе многих актуальных понятий, таких, как «радловская транскрипция», «радловская классификация», «до-радловская и радловская эпохи» в развитии тюркологии) и в известной мере — ее будущее, особенно если учесть на фоне раздвигающегося ныне сравнительно-исторического исследования тюркских языков, что едва ли не главной заслугой ученого признается в настоящее время утверждение сравнительно-исторического метода в тюркологии (стр. 14). Располагая